

цыі. Яна павінна быць: 1) аператыўнай («...Усведамленне нашай з табой аднадушнасці (unanimity) падштурхоўвае мяне пісаць табе адразу ж па атрыманні ліста (de acceptis litteris)... узаемныя абавязацельствы нашай любові не дазваляюць мне марудзіць»; 2) дакладнай і зыходзячай ад першай асобы: тое, што Сімах даведаўся пра назначэнне Гесперыя не ад яго асабіста, а ад Аўсонія, стварае моцны дыскамфорт («Яго маўчанне балюча раніць мяне ... Яму трэба было папярэдзіць мяне лістом пра сваю славу»); 3) не быць празмернай: нельга перакладаваць на плечы сваіх сяброў занадта шмат уласных праблем («Я не хачу, каб мая любоў да цябе ані маўчала пра свае нягоды, ані разбівала дружбу празмернымі скаргамі»).

Аднак перапіска не магла замяніць асабістыя зносіны падчас асабліва важных падзей у жыцці аднаго з сяброў. Ліст дваццаты выяўляе глыбокую занепакоенасць Сімаха тым, што ён не мае магчымасці тэрмінова прыбыць да Аўсонія, які стаў консулам. Пасля шматлікіх вытанчаных прабачэнняў у лісце гучыць відавочная занепакоенасць будучым станам адносін. Пры гэтым Сімах цалкам аб'ектыўна ацэньвае іх перспектывы: «Добра, калі я здолею ў будучым захаваць твае былыя літасцівыя да мяне адносіны; цяпер жа мне дастаткова пазбегнуць твайго незадавальнення» (I, 20).

Такім чынам, з лістоў Сімаха да Аўсонія, нягледзячы на іх дастаткова трывіяльны змест, карысная інфармацыя можа быць атрымана, калі правесці адпаведную карэктыроўку метадычнага падыходу. Гэтая інфармацыя, у сваю чаргу, можа быць выкарыстана для аналізу познеантычнага менталітэту, прынамсі, па двух кірунках: 1) успрыманне прыроднага асяроддзя, 2) успрыманне сацыяльнага асяроддзя.

Усё гэта дазваляе лічыць перапіску Сімаха дастаткова важкай крыніцай для вывучэння познеантычнай ментальнасці і арыентавацца на яе наступную распрацоўку па лініях: Сімах – Проб і Сімах – Прэтэкстат, тым больш, што лісты, якія ўваходзяць у склад гэтых комплексаў, на рускую мову не перакладаліся.

¹ Inscriptiones latine selecte. Ed. H. Dessau. Beroloni, 1954. Vol.1. P.576.

² Q. Aurelii Symmachi Epistolarum libri decem // Patrologiae cursus completus. Ser. prima. Parisiis, 1848. T.18. Col.145–406. Symmaque. Lettres. T.1 (Livres I–II) / Texte ét., trad. et comm. par J.P. Callu. Paris, 1972.

³ Haverling G. Studies on Symmachus language and style // Studia graeca et latina Gothoburgensia. 1988. №49. P.14.

⁴ Буасье Г. Падзенне язычества. Исследование последней религиозной борьбы на Западе в четвертом веке. М., 1892. С.342.

⁵ Kalinkowski S. Symmachus // Słownik pisarzy antycznych. Warszawa, 1982. S.441.

⁶ Стрельникова И. П. Симмах // Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства II–V века. М., 1964. С.206.

⁷ Symmaque. Lettres. P.76–106. Частковы пераклад комплекса на рускую мову гл.: Авсоний. Стихотворения / Изд. подгот. М.Л. Гаспаров. М., 1993. С.105, 163–165; Симмах. Переписка с Авсоном / Пер. И.П. Стрельниковой // Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства II–V века. С.205–211.

⁸ Уколова В. И. Поздний Рим: Пять портретов. М., 1992. С.28.

Е.Е. БАРСУК

РАССУЖДЕНИЯ РОБИНА ДЖОРДЖА КОЛЛИНГВУДА (1889–1943) ОБ ИСТОРИИ

Известного английского ученого с полным правом можно назвать историком философии и философом истории. Он стремился связать философское осмысление истории с практикой исторического исследования. По его мнению, главная задача философии XX в. состоит в том, чтобы отдать должное истории. Ученый считал целью своей жизни исследование истории мысли, а главный его труд называется "Идея истории".

Первый урок по истории он извлек в юности из "Начал философии" Декарта. Тогда же будущий историк сделал для себя открытие: «науки имеют свою историю и те знания, которые в них содержатся, утвердились не по-

тому что кто-то открыл истину после долгих заблуждений, а потому что изменились другие знания, считавшиеся истинными"¹.

Р.Дж. Коллингвуд получил отличное классическое образование. Интерес к классическим древностям привел его в Оксфорд, там он увлекся изучением философии, а также занимался археологией под руководством профессора Хаверфильда. В дальнейшем он сочетал исследование философских проблем с изысканиями по древней истории Британии. В 1923 г. выходит в свет его обобщающий труд "Римская Британия", а в 1930 г. – "Археология римской Британии", где впервые археологический материал был упорядочен по типологическим принципам, в основном им разработанным. Осуществляя замысел своего учителя Хаверфильда, Р.Коллингвуд создал полный "Корпус латинских надписей Британии", в котором разработал специальную технику воспроизведения надписей, где реализовал свои научные и художественные способности.

Ученый внес в философию истории, ее методологию много нового, конструктивного, хотя и не бесспорного. Так, Коллингвуд отстаивал необходимость скрупулезного изучения процесса социального изменения в противоположность поверхностному событийному повествованию, принятому в традиционной политической историографии. Историю как науку он считал попыткой ответить на вопрос о человеческих действиях, совершенных в прошлом.

Коллингвуд признавал наукой только критическую историю, т.е. критическое отношение к источникам и, по возможности, всестороннее рассмотрение предмета истории, а не компилятивную историю, основанную на свидетельствах авторитетов. Историю, конструируемую с помощью отбора и комбинирования свидетельств различных авторитетов, он называл "историей ножниц и клея", не признавая за ней права науки, так как в ней не соблюдаются основные условия научного знания. Компиляция как метод исторического исследования означает сводку готового знания, которое можно найти в источниках, тщательно порывшись в них, и обнародовать в своем научном труде.

А настоящее знание отличается, во-первых, тем, что оно выработано самостоятельным усилием разума исследователя, а не получено в готовом виде, во-вторых, оно обосновано логически, а не ссылкой на авторитеты, в-третьих, оно логически связано с остальной совокупностью научного знания, тогда как в исторической компиляции проявляется только связь тематическая и хронологическая. Историк обязан установить достоверность источников; в сущности, он сам решает, принять или отвергнуть сообщение источника. По мнению Коллингвуда, научное знание – результат интеллектуальных усилий исследователя истории, который и решает, что есть истина.

Решающую роль в становлении истории как науки сыграла археология, которую Коллингвуд назвал "методологической лабораторией исторического мышления"². Дело в том, что археологические исследования позволяют моделировать исторический процесс "без затемняющих деталей, привносимых письменностью"³. Здесь уже никак не скажешь, что историк просто заново пересказывает содержание древних текстов.

История полна загадок и тайн, для разгадки которых методы компилятивной историографии не годятся. Ведь настоящего исследователя-историка Коллингвуд сравнивает с детективом, проводит аналогию между историческим исследованием и детективным поиском преступников⁴. Это наглядно демонстрирует различие между историческим исследованием, которое проводит подлинный ученый, и историей "ножниц и клея", даже если она включает критику источников.

Коллингвуд проводит параллель между историческим исследованием и расследованием преступлений и для того, чтобы показать, что в научной истории не существует исчерпывающих исторических источников, а есть только "фактические данные", которые станут таковыми в процессе интерпретации, если исследователь умеет применять "логику вопроса и ответа"⁵.

Он должен выстроить своеобразную лесенку логических вопросов и правильно на них ответить. Стоит задать не "тот" вопрос и весь процесс поиска окажется безрезультатным. Значимость "того" вопроса определяется его логической эффективностью, которая позволяет продвинуть исследование на более высокую ступень.

Решающий и весьма ценный пункт методологической доктрины Коллингвуда выражен в тезисе – история есть наука, равная естественным наукам. Он неоднократно подчеркивает общность логико-методологической процедуры в естествознании и истории⁶. Принципы научной методологии, сформулированные Бэконом и Декартом, относятся и к исторической науке. История есть дело систематического мышления, а не бездумного повторения чужих суждений, даже выдержавших критическую проверку. Это положение ученого, безусловно, верно, чего нельзя сказать о других, например о постоянном подчеркивании познавательной активности субъекта исследования. Здесь велика опасность превращения интерпретации событий в субъективизм, смешивания фактов со своими домыслами. Коллингвуд также делает упор на выявлении индивидуального в историческом действии, хотя и говорит о необходимости исследования всего процесса. Кроме основных положений философско-методологических аспектов истории, ученый затрагивает и философско-гносеологические.

Коллингвуд считает, что историк в событиях прошлого должен различать внешнюю и внутреннюю стороны⁷. Под внешней стороной он понимает переходящие факты, а под внутренней – их компетентную интерпретацию или то, что может быть "описано с помощью категорий мысли". Историк никогда не занимается только одной стороной события, исключая другую. Его работа может начаться с выявления внешней стороны, но она никогда этим не заканчивается. Историк всегда должен помнить, что его задача – проникнуть в действие и познать мысль того, кто совершил это действие. Таким образом, ученый приходит к выводу, что предметом истории является мысль, а сама история есть история мысли. Так как исторический процесс – не последовательность простых событий, а последовательность действий, обусловленных процессом мысли, то для истории объектом, подлежащим открытию, оказывается не просто событие, а мысль в нем выраженная⁸. События интересуют историка в той мере, в какой раскрывают перед ним мысль – предмет поиска. Открыть мысль – значит понять, но понять ее можно, только воспроизведя в собственном сознании. Ученый не просто воспроизводит мысли прошлого, а воспроизводит в контексте собственного знания, а потому он их критикует, оценивает, исправляет замеченные ошибки. Имена и даты описания – всего лишь скелет, который когда-нибудь сможет стать подлинной историей, если найдется человек, способный облечь их в мысли.

Коллингвуд особо выделяет категорию цели⁹. Исторические повествования говорят нам о целенаправленной деятельности, свидетельствами которой являются остатки прошлого, если историк сможет понять их предназначение, т.е. определить их цель. Важное значение в этом имеет археология. Археолог находит массу вещей – монеты, осколки керамики, камни, цемент. Он сможет их использовать как исторические источники только в том случае, если поймет их назначение. Археологу они – остатки зданий, домашняя утварь, средства обмена – раскрывают прошлое. Следовательно, предметом исторического познания являются только целесообразные действия людей. На наш взгляд, анализировать целесообразность в истории очень важно, но возникает вопрос: достаточно ли одного знания целей, чтобы уловить связь и смысл исторических событий. Исторические источники, не осмысленные историками и людьми, их оставившими, не будут иметь подлинной научной ценности. Вряд ли кто будет спорить с утверждением Коллингвуда, что история представляет собой процесс, который развивается по законам диалектики, а не внешнюю последовательность событий.

Для Коллингвуда познание – движение мысли от неизвестного к известному. Неясные предметы, заставляя нас думать интенсивней и последова-

тельной, обостряют ум и позволяют рассеять облака предрассудков и суеверий. Историк – это человек, задающий вопрос о прошлом. Но ученый не согласен с тем, что эти вопросы о прошлом не могут относиться к настоящему. Он утверждает, что история не может ответить на вопросы о прошлом, не располагая свидетельствами об этом прошлом. А эти свидетельства должны существовать в настоящем. Предположим, что произошло какое-то событие, не оставив после себя никаких следов. Тогда, как же люди в будущем смогут узнать о нем?

Приоритетной для Коллингвуда является идея живого прошлого. Она и составляет первый принцип его философии истории. Прошлое, изучаемое историей, по его утверждению, не является мертвым, а в некотором смысле живущим в настоящем, ибо история имеет дело не с событиями, а с процессами, которые не начинаются и заканчиваются, но превращаются друг в друга¹⁰. Начинаются и заканчиваются исторические труды, но не события, о которых они рассказывают. Таким образом, Коллингвуд делает вывод: задача истории – говорить людям не только о прошлом, но и о настоящем постольку, поскольку прошлое сокрыто в настоящем и представляет собой его часть, не сразу заметную. В этом смысле история тесно связана с настоящей практической жизнью.

Второй принцип концепции Коллингвуда призван ответить на вопрос: как познать мысли, зная, что вся история есть история мысли? Необходимо их воспроизвести в уме историка, отвечает ученый. Этот принцип сформулирован таким образом: "Историческое знание – воспроизведение в уме историка мысли, историю которой он изучает"¹¹. В познании огромную роль играют рефлексия мысли, критическое мышление и воображение исследователя. Но возникает сложная проблема: как в таком случае история сможет остаться подлинной наукой, т.е. давать знания о подлинном прошлом, а не о мышлении историка, выдаваемом за историческую реальность? Коллингвуд нашел решение: нужно не просто воспроизвести исторический факт, переосмыслить его заново, а понять, какая новая проблема возникает из столкновения нового опыта с прежним знанием, оценить его с позиций нового. Это и будет научное знание.

Третий исследовательский принцип Коллингвуда: "историческое знание – это воспроизведение прошлой мысли, окруженной оболочкой и данной в контексте мыслей настоящего"¹². Процедура воспроизведения имеет рациональный смысл и оправдывает себя в исследованиях истории культуры, прежде всего духовной, чего никак нельзя сказать о других областях исторических знаний, например о социально-экономической истории, где нужны строго определенные понятия и типологии.

В заключение отметим, что в исследованиях Коллингвуда затронуты важнейшие проблемы исторических знаний, а защиту им рационализма в науке и его убеждение в высоком предназначении труда историка нельзя не уважать. "История предлагает нам нечто, совершенно отличное от правил, а именно внутреннее проникновение в явление, она и может оказать нам большую помощь в диагностике наших моральных и политических проблем"¹³.

¹ Коллингвуд Р. Дж. //Идея истории. Автобиография. М., 1980. С.322.

² Киссель М. А. // Там же. С.453.

³ Там же. С.454.

⁴ Там же. С.253.

⁵ Там же. С.260.

⁶ Гл.: Collingwood R. G. Essay on Metaphysics. London, 1970.

⁷ Коллингвуд Р. Дж. // Идея истории. С.203.

⁸ Там же. С.204.

⁹ Киссель М. А. // Там же: С.446.

¹⁰ Там же. С.378.

¹¹ Там же. С.386.

¹² Там же. С.388.

¹³ Там же. С.380.